

Глава 1

Данил шёл бодром шагом... Ни рюкзак, ни пройденные километры абсолютно не ощущались. Полгода. Полгода он искал этот старый заброшенный мост. Исползал все берега, искал не только на местности, но и на картах, — всю зиму он пересматривал разные карты. Но точных карт этого места почему-то не было. Да и вообще карт этой местности было очень мало. Казалось бы, самая середина России, Среднее Поволжье, должно быть картографировано вдоль и поперёк, но нет, на картах царских времён нужного места не оказалось. Теоретически этот мост нанесен на все карты, только практически он находился на белом поле большинства карт; это те поля, что по краям листа.

Он никогда не задумывался над тем, что живёт на краю географии, пока не занялся металлопоиском. На нескольких картах этот мост был, только погрешность их составляла десяток километров. Ранние советские карты были тоже только большого масштаба и неточные. На поздних же картах новый мост уже обозначался, да и новая дорога, которая располагалась в десяти километрах от старого моста. Единственная более или менее точная карта этой местности оказалась, как ни странно, американской военной, пятидесятых годов; хотелось верить, что где-нибудь в генштабах лежит штатовская карта, которая точнее родной. Но и эта карта давала погрешность около трёх километров.

Данил всю зиму всматривался в современные спутниковые карты. Мост предполагает спуски к реке, а берега у этой извилистой реки с обеих сторон обрывистые. Проблем-то вроде никаких, нужно просто найти спуски. Но в том и загвоздка, что таковых спусков не было. Вернее, спуски нашлись, но либо с одной, либо с другой стороны, а ведь мост предполагает съезды напротив друг друга. Именно эта загадка и зацепила Данила, вернее не только она — ему посчастливилось увидеть кусок старинной карты, почти схематичной, и тут была отметка карандашом, почти на поле карты, и надпись «ПЕРЕПРАВА». Единственная надпись на всей карте, что не могло не заинтересовать. Это всё равно как красный крестик на пиратской схеме.

Конечно, полгода поисков звучит слишком солидно. На самом деле появляться здесь он мог только в выходные, да и то далеко не во все. То дома сантехника потечёт, то на работе аврал и в субботу приходилось работать. Бывало, что и камрады звали в другое место покопать. В итоге за эти полгода Данил приезжал сюда раз семь. Но вот мысли не отпускали от этого места целых полгода. Конечно, как только сказал про предположительное небитое место, желающих походить друзей тут нашлось много. Тем более что парень был редким поисковиком, который хорошо разбирался в картах, и звали его все камрады в совместный коп очень охотно. Но покатав на машине туда-сюда, так и не найдя места, все тут же теряли интерес. И лишь природная настырность не давала ему всё бросить.

Вроде и чего тут искать — всего три километра берега, исходить можно за день. Обычное место. Со стороны села подходит асфальтированная дорога и как-то резко уходит вбок. И с другой стороны реки подходит асфальтированная дорога и под девяносто градусов уходит к полузаброшенной нефтебазе. Вроде бы соедини эти дороги до поворотов, и получишь искомое. Но с одной стороны

упираешься в карьер, заросший клёном, а с другой стороны был обрыв метров шесть в высоту, под которым располагалось озеро, а дальше берег весь зарос клёном, вплоть до самой реки. Было по два спуска с каждой стороны. Один под пожарный насос на нефтебазу, очень узкий и крутой, подводы по такому точно не спускались. А самый очевидный спуск со стороны села оказался выводом очистных сооружений. Можно было предположить, что моста и вообще не было, но даже отец помнил, как возили его маленьким на бортовке через этот мост в город. А это получается, что в шестидесятых годах мост точно был.

Хотелось махнуть на всё рукой, тем более находок тут почти нет, так, несколько советских монет и стреляных измятых гильз, скорее всего оставленных белочехами. Все камрады переключились на металлолом, и старина уже никого не интересовала, тем более что ничего и не стоила.

И вот в прошлые выходные, когда Данил шагал уже домой, его окликнул дед, сторож с нефтебазы.

— Ну, что накопал?

— Да так...

Данил похвастался своими находками за день. Было не густо. Двадцать копеек тысяча девятьсот сорок первого года, выгнутые чашечкой, видно тракторист затыкал ими гидравлический шланг. Сплюснутая гильза из винтовки Мосина. Россыпь монет шестьдесят первого года, которые никогда не лежат по одной. И самая ценная находка на сегодняшний день — современные пять рублей.

Сторож с интересом рассмотрел гильзу и гнутые двадцать копеек, отодвигая их подальше от лица. Похоже, зрение его подводило. И уверенности не было, что он вообще чего-то увидел без очков.

— Всё равно без очков ничего не вижу, — подтвердил подозрения сторож. — А металлолома сколько накопал?

— Да не собираю я металлолом. Видишь, с рюкзаком хожу, безлошадный я. Пешком хожу, а на горбу много не поносишь.

С машинами у Данила были особые отношения, он очень не любил ездить после серьёзного ДТП, устроенного не по его вине, но записанного на него. Но не обвинять же сотрудника, да и отчасти Данил за собой вину чувствовал: несоблюдение скоростного режима движения. Потому, когда его подрезали, он не успел затормозить. Нет, страха не было. После аварии он ещё долго ездил, но всё неохотнее и неохотнее: то дороги не чисты — выезжать неохота, то парковочных мест нет, лучше на автобусе. Потом продал машину, и желание сесть за руль пропало совсем.

Сторож же недоверчиво покачал головой.

— Да ладно... Смотрел, как ты на жаре целый день копаешься... И только это нарыл?

Ну, конечно, было немного обидно, и парень начал оправдываться. Хотя, наверное, не оправдываться, на самом деле так и было.

— Так я ж не из-за денег хожу, так, отдохнуть, вместо рыбалки. Рюкзак на спину, и пошёл на природу отдыхать.

— Нашёл отдых, целый день на жаре, да и земля тут выжженный суглинок, один ковыль растёт, лопата наверняка не лезет.

Тут он был прав, такую землю не всякая лопата брала, ломалась очень быстро. Поэтому пришлось купить довольно дорогую цельнометаллическую, известной фирмы.

— Да, лопат я тут прилично поломал.

— А что тут ищешь-то? Степь и степь...

— Мост тут был где-то, дорога старая...

— Так ты, милоч, не там ищешь, мост вон где был. Около родника. Ну, озеро с обрывом знаешь? Вон там. — И сторож указал пальцем.

— Спасибо.

— Да не за что, у меня сын тоже с металлоискателем бродит, металл собирает.

Время до автобуса ещё было, потому Данил развернулся и чуть не бегом пошёл осматривать указанное место, мимо которого проходил сотню раз.

Загадка, как всегда, имела простое решение. Спуск к воде был не прямым, а спиралью шёл вниз, заворачиваясь вокруг озера. И мост был не один. Сначала был небольшой мост через ручей-протоку, на своеобразный остров, образованный озером, протокой и рекой, а уже с острова мост перекинули через реку. Поэтому Данил его и не мог найти на карте. Тем более что тут всё заросло непролазным кленовым лесом.

Самого моста, конечно, не было, в ручье торчали чёрные от времени деревянные сваи. Зато и ручья не оказалось по сути, только старое сухое русло. Через речку и того не было, только насыпь до реки. А бабки и брёвна, скорее всего, давно снесло по весне ледоходом. Но времени на поиски уже не оставалось, нужно было бежать четыре километра до плотины, а оттуда уже можно вызвать такси до междугороднего автобуса. А вот на автобус опаздывать никак нельзя. Работа.

Данил работал механиком. А в пятницу оставил недоделанный вилочный погрузчик, пообещав доделать в понедельник с утра, иначе его просто не отпустили бы на выходные.

В свои двадцать семь лет жены он не имел, вернее была не так давно, но, как в том анекдоте, ушла к соседу по коммуналке после его очередной командировки. Жить с ними в одной квартире больше не смог и ушёл на съёмную. А вот за съёмную квартиру нужно платить, а чтобы платить, нужно вовремя попасть на автобус и дочинить тот несчастный погрузчик.

Но это было всё в прошлые выходные, вчера же, еле дождавшись окончания рабочей недели, он приехал с вечерним автобусом, переночевал у родственников. И сей-

час в пять утра перебежал через плотину и уже подходил к небольшому серпантину, спуску к мосту. Приходилось спешить, ведь ляпнул сторожу про перспективное место, а у него сын копает, как бы сам не пришёл, а тут всё выкопано. Язык — главный враг всего человечества, ляпнешь, хвастаясь, а потом бежишь как угорелый.

Дорога на спуске была грунтовая, но прекрасно разровненная, такое ощущение, что перед тем, как забросить мост, тут всё идеально отремонтировали. И если бы не клён, который прорастал сквозь полотно дороги, тут не стыдно было бы проводить гонки, хоть и нет никакого покрытия, даже щебня. А самое главное, что не было ни одной ямки, а это значит, место не битое, то есть тут не бродили конкуренты и никто до него не копал.

Данил нетерпеливо собрал прибор для поиска. Ожидания — вот, наверное, из-за чего всё это занятие. Дорога, по которой ходили ещё подводы, это же всё равно как прикоснуться к истории, а уж если что-то найти...

В общем, через час ожидания не очень оправдывались. Сигналов было мало, найдено несколько запчастей от «сталинца» — это советский бульдозер сороковых годов. Зато это объясняло ровность дороги и отсутствие сигналов. Тут просто бульдозер навалил новую дорогу, засыпав все потенциальные находки. Значит, нужно свернуть с дороги и поискать в округе. Данил так и сделал, углубившись в кленовые заросли. Тут, конечно, не помашешь прибором, да и комары в тени как будто с цепи сорвались. Ну и ладно, в этом самая романтика. До ручья дойти ничего не стоит, мимо него не пройдёшь, а вот что-нибудь интересное по пути найти можно.

Есть сигнал! Что это? Он долго рассматривал прямоугольную сгнившую железку, выдавленные буквы Ц.З.П.К. Что это? Противогаз, что ли? Да, это, похоже, от первого противогаса Зелинского, а это же Первая мировая война. Находки пошли одна за другой: фильтры-бочонки от респираторов, металлические пластин-

ки, что сверху респиратор к носу поджимают, шланги от противогазов и металлические обжимки глаз противогазов. Похоже, тут были представлены все модели респираторов и противогазов, причём всех времён. Вот только страх какой-то пробирал. В честь чего здесь столько респираторов и противогазов потеряли? Тут что, радиация? Или, скорее, скотомогильник какой-то. По нему лазить тоже не хочется.

А вот и ручей. Ко дну ручья у Данила были особенные ожидания. Чего только с моста в воду не выкинут. Может, белочехи отступали и выкинули шашку или винтовку. Но до дна ещё спуститься нужно, бережок хоть не обрывистый и тонкими кленами зарос, но высоты метра два будет. Ну и ладно. Лопату вниз, прибор на склон и... Он хотел аккуратно спуститься, но ветка, за которую держался, хрустнула, тело развернуло вокруг другой руки, его вес второе деревце не выдержало, и парень полетел вниз. И хлопнулся затылком в мягкое илистое дно. А вот это действительно страшно. Если б затылком о камень приложился? Его никто и не нашёл бы тут; есть, конечно, плюсы в том, что гуляешь один, но есть и минусы. И самый большой минус, что помочь тебе никто не сможет. Ну ладно, обошлось, нечего о том думать, надо быть в следующий раз аккуратнее.

Дно ручья оказалось совсем пустое. Но это и правильно, нужно искать под мостом. Данил пошёл по ручью, всё равно мимо моста не пройдёт, и каково было его удивление, что он дошёл до реки. Он что, заблудился? Это другой ручей? Остатков моста он так и не нашёл.

Но мысли о нехорошем выбил сильный сигнал, прибор буквально орал на все голоса — такое ощущение, что всё дно завалено слоем металла.

Данил начал копать в одном месте. Выкопав яму около метра в глубину, бросил, тут всё звенит, можно и помощнее сигнал выбрать. Вот этот, но глубина ямы была уже около восьмидесяти сантиметров, а находки

всё нет. Видимо, она глубже. Решив, что переходить больше не будет, принялся расширять и углублять яму. И вот он, заветный звук, когда лопата упирается в металл. А что это, ещё непонятно, даже что за металл — непонятно. Значит, копать нужно как вширь, так и вглубь. А в глубине пошла липкая грязь и начала просачиваться вода.

В липкой грязи и тине испачкался весь. Через час, накопавшись вдоволь и осушив четверть «пятюшки» с водой, весь по уши измазанный грязью, Данил понял, что не всякой находке он рад и что некоторые лучше не находить. Пусть тут хоть полуторка на боку лежит, копать он больше не будет... Ну, не сейчас... Ну, может, чуть попозже. Оставив яму не закопанной, чего до этого никогда не делал, он пошёл искать дальше с надеждой, что вернётся и докопает, вот отдохнёт только чуть.

А дальше он, перебравшись на остров, окончательно понял, что заблудился; посредине заросшего острова стояла стопка бетонных блоков. Такой прошлый раз не было, и это, получается, не тот остров. Такое он не мог прошлый раз не заметить. Ну точно, по прикидкам, до ручья идти нужно было ещё метров сто пятьдесят. Это другой остров... Ну ничего, обыщем и его. Тем более что блоки-шестёрки лежат тут стопкой метра два с половиной в высоту. Для чего? Очень странная находка. Получается, когда-то здесь хотели построить нормальный мост, завезли материалы, но не успели. Мост построили в другом месте. Только как сюда смогли привезти блоки? Тут же остров? Пусть лесом он зарос недавно. Хотя тут и деревья были толстые и высокие. Видно, лес тут был давно. Второй вопрос: почему эти блоки никто не скоммуниздил? Так, наверное, по той же причине: это остров, да ещё заросший лесом, технику сюда не загонишь, а руками не утащишь.

Вот то, что этими блоками замуровали что-то, Данилу и в голову не могло прийти, поэтому, обойдя эти бло-

ки и не найдя ничего интересного, кроме очередных запчастей противогозов, парень уселся перекусить. Достав «поджопник туристский» и усевшись на него, он опёрся спиной о блоки и открыл банку дешёвой консервированной гречневой каши с мясом.

Да, когда-то давно, когда Данил начинал ходить с рюкзаком, у него там был целый арсенал выживания: нож-мультитул, газовый баллончик, плитка под тот баллончик, котелок, различные виды дорогой тушёнки, модное огниво с ферритовым стержнем, немного круп и разные пакетики чая. После пары выходов всё это наполовину сократилось, а позже и вообще выкинулось. В рюкзаке было три таблетки сухого спирта, половинка туристского ножа, та, что без ножа, а с открывалкой и ложкой. Да, оставил ещё огниво по причине, что ничего не весит, а таскать его круто. Даже нож перестал с собой таскать из-за того, что на автовокзале рамку металлодетектора проходить нужно и все ножи отбирали. Конечно же, маразм: охранники отбирают перочинные ножички у всех рыбаков, а пройдя вовнутрь, в любом из ларьков автовокзала можно выбрать из сотни ножей китайских брендов, до сорока сантиметров длиной.

Ещё всегда в рюкзаке была банка каши, правда кашу стал брать дешёвую. Всё равно жрать на копе было неохота. Вот пить — да. Основной вес в рюкзаке — это пятилитровая пластиковая баклажка воды. Были подозрения, что вода после осмоса и почти дистиллированная, и именно из-за этого ею невозможно напиться. Но пить воду из местной реки Данил не решался и продолжал брать её в местном супермаркете.

Затолкав в себя полбанки каши, вторую половину осилить не смог. Каша, может, была и вкусная, рассыпчатая, и даже запах гречки чувствовался, а не собачьей еды, но сухая и абсолютно без мяса. Остатки каши он закопал под блоками, чтобы не оставлять мусор после

себя. И убрал пустую банку в рюкзак — выкинет по пути где-нибудь в мусорку, а иначе следующий раз звонить будет под катушкой, и он её вновь откопает.

Времени ещё много, можно было минут пять посидеть, глаза у Данила закрылись... Никогда такого не было, чтоб на копе, да и уснуть. Да и рассказать кому — стыдно будет. Но какой коп, такое и настроение. Копатель придремал.

И придремал так сильно, что увидел сон.

Во сне тот, кто сидел за блоками, его спрашивал, чего он сюда припёрся. Данил всё подробно объяснил: об истории, о дороге и о поиске моста.

— То есть ты историей увлекаешься?

— Ну да.

— А объясни, знаешь ли ты, почему местное село имеет второе название Погановка.

Парень набрал воздуха, чтобы ответить, и понял, что не знает, — нет, конечно, были предположения, что связано это с грибами или утками-поганками на реке. Но он не знал, потому честно и признался:

— Нет, не знаю.

— С определённого времени поганью стали называть язычников. А до этого так называли всех тех, кто идёт другим путём. Дословно: по — движение, га — путь, инь — иной.

— Погоди, так ты идол, что ли?

— Догадливый.

— Так такие блоки недавно стали делать!

— Этим лет четыреста, ты что, не увидел? У них петель нет, неужели отличия не видишь?

Петли Данил не мог рассмотреть, потому что верхние блоки были выше его роста.

— А зачем тебя замуровали?

— Старая история: с беспоповцами одними во взглядах на жизнь не сошёлся, вот они меня блоками и замурили.

— Так тебя освободить нужно?

— Не вздумай, мне и так хорошо, спокойно. Вот как ты догадался мне подношение подогнать? Кстати, у тебя нет ещё такой каши? Очень вкусная.

— Извини, нет.

— А может, что сладкое есть? — с надеждой спросил идол.

— И сладкого нет. Не думал я к тебе идти, — вздохнув, сказал парень.

— Жалко... — в тон ему вздохнул идол за блоками.

Посидели, помолчали, ещё по паре раз вздохнули, думая каждый о своём.

— Ну давай, спроси, что ли, чего-нибудь, — снова заговорил идол.

— А что, скажешь, где тут клад лежит?

— Скажу, только плата тебе не понравится. Совет спроси лучше, что-нибудь нейтральное, касающееся только тебя, это почти ничего не стоит... обычное.

— Ну не знаю... — Данил замолчал, придумывая вопрос, а в голову лезла, как назло, одна ерунда. Тем более такое, за что платить не нужно. — Кем я был в прошлой жизни? За этот вопрос не нужно платить?

— Не знаю, давай посмотрим.

Сон изменился, Данил понимал, что это ему снится. И сейчас он стоял на темной планете с красным небом и чёрными длинными облаками у горизонта. Да и он ли стоял: тонкие, но мощные руки, способные согнуть сталь, тело было словно каменным, похожим на парижских горгулий. Кстати, он не знал, каких демонов они обозначают, но был уверен, что сам именно такой демон. Зеркала, конечно, не было, видно тоже мало чего, только очень длинные предплечья, да и не возникало у него никакого интереса собой любоваться, он высматривал плоские горы на горизонте, которые отсвечивали красным светом. Под этими горами находились живые. Существ две-